

Н.Ф. Котляр

СТРАТЕГИЯ ОБОРОНЫ ГАЛИЦКИМИ И ВОЛЫНСКИМИ КНЯЗЬЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РУБЕЖЕЙ В XII в.

С давних времен историки многократно отмечали губительное значение войн и военных действий вообще в истории народов и государств. В своем многотомном сочинении С.М. Соловьев затронул военную историю Древней Руси эпохи удельной раздробленности. Согласно его наблюдениям, в 1228–1462 гг., за 234 года, летописи и другие источники содержат сведения примерно о 300 войнах и военных походах, 85 крупных битвах. Две трети войн происходили с внешним врагом: татарами, литовцами, ливонцами, немцами, шведами и др.¹ Для Галицко-Волынской Руси основными внешними партнерами и противниками были Венгерское королевство и польские княжества: Краковское и Мазовецкое, а также Литва и ятвяги. Но важное место во внешней политике галицких и волыньских государей по-прежнему занимала Византийская империя.

Русско-византийские отношения второй половины XII – XIII в. в значительной мере отличались от дипломатических связей предыдущего времени между двумя великими державами средневековья. Канули в лету большие войны, размашистые морские и сухопутные походы русских на Царьград, крупные межгосударственные соглашения, обмен полномочными посольствами, одно из которых возглавила даже сама княгиня Ольга. Феодалная (удельная) раздробленность, расколовшая Русь на полтора десятка в определенной мере автономных земель и княжеств, была главной причиной того, что отношения между этими двумя странами измельчаются, сводятся к локальным и нерегулярным контактам между императорским престолом и государями тех или иных княжеств, переносясь преимущественно в церковную сферу. Те взаимоотношения с Византией, которые сложились с середины XII в., в значительной мере сосредоточили в своих руках галицкие и волыньские государи. Галицкое и Волыньское княжества выдвинулись на первый план по важности и интенсивности (пусть и весьма относительной в сравнении с X – первой половиной XI в.) связей с империей.

На Руси хорошо представляли все это. В сознании ее общества в XII–XIII вв. Галицко-Волыньская Русь и Византия постоянно пребывали в дружественных и даже союзнических отношениях. Первая предоставляла империи военную помощь (вспомним контингенты русских воинов, служивших в Византии со времен княгини Ольги), в Галиче прятался от опасности будущий греческий император, а галицких послов с почетом принимали в Константинополе. Подобная уверенность в близости двух правящих дворов временами рождала искаженные, а то и легендарные представления о характере связей галицких и волыньских суверенов с империей. Это не могло не отразиться в памятниках древнерусской словесности.

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. IV. СПб., 1871. С. 207–208.

Галицкое княжество, образовавшееся в начале 40-х годов XII в. и стремительно выдвинувшееся на первые роли в большой политической игре в Древнерусском государстве, с самого начала своего существования стремилось проводить независимую политику в отношении близкой к нему Византии и, одновременно, опираться на империю в соперничестве с другими русскими княжествами, прежде всего Волынским. Первый галицкий князь Володимирко (Владимир) Володаревич приложил также немало усилий для того чтобы остаться суверенным властителем и в отношении Киева.

В 60-е годы его сын Ярослав (Володимирко умер в конце 1152 г.), бывший дотоле верным соглашению отца с Византией, да и сам, вероятно, подписавший с ней дружественный договор ок. 1162 г., вскоре после того заключил направленный против империи союз с Венгрией², а в 1164 г. поддержал соперника императора Мануила I – Андроника Комнина, предоставив ему политическое убежище. Киевская летопись засвидетельствовала, что тогда “прибеже ис Царягорода братан царев кюр Андроник к Ярославу у Галичь, и прия и Ярослав с великою любовью”³. Князь “да ему (Андронику. – Н.К.)... неколико городов на утешение”⁴. Андроник подружился с Ярославом, принимал участие в его пирах и “ловах”, особенно отличившись в пасной охоте на туров. Он даже заседал вместе с ближними боярами в княжеском совете.

Впрочем, Андроник пробыл в Галиче недолго, поскольку император Мануил пошел на примирение с ним и, можно думать, восстановил договорные отношения с галицким князем. Это событие засвидетельствовано Киевской летописью, составитель которой в данном случае мог воспользоваться галицким источником (или свидетельством информатора): “Потом же присла царь (Мануил I. – Н.К.) два митрополита, вабя и (Андроника. – Н.К.) к собе. Ярослав же пусти (Андроника. – Н.К.) к нему с великою честью, *приставив к нему пискупа своего Кузму и мужа своя передняя*”⁵ (курсив мой. – Н.К.). Вероятнее всего, в летописи сказано о галицком посольстве в Константинополь. После этого Мануил сумел расстроить русско-венгерский альянс и восстановил союзные отношения с Галичем.

К последним годам XII в. относится союзный договор между императором и волынским князем Романом Мстиславичем, будущим создателем великого Галицко-Волынского княжества. Косвенные свидетельства об этом соглашении содержатся у Никиты Хониата и русской летописи. Между 1197 и 1204 гг. Роман Мстиславич осуществил три победоносных похода в Половецкую степь. Два из них – второй и третий – известны русской летописи. Лаврентьевский извод датирует их 1202 и 1205 гг.⁶ Однако первый поход Романа на половцев остался неизвестным русским книжникам. О нем рассказывает византийский историк и современник тех событий Никита Хониат. Он начинает речь о войне Романа с кочевниками словами: “В следующем

² Паушто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 179, 189, 195.

³ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 359.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Л., 1927. (Далее: Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 417, 419. 1205 год соответствует в действительности 1204 году. См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 88.

году...”⁷. Поэтому, дабы правильно датировать это событие, – сам Хониат почти никогда не указывает годов – следует внимательно рассмотреть относящиеся к предыдущему году записи историка.

В этих записях речь идет о соперничестве за власть между сыновьями турецкого султана Килыч-Арслана II (1152–1188) в Иконии и Малой Азии. Текст оканчивается сообщением о том, что старший сын султана Рукратин выгнал младшего Кайхосроя, и тот бежал вначале в Малую Армению к царю Леону II, а затем в Константинополь, к императору Алексею III Ангелу⁸. Первое правление Кайхосроя продолжалось с 1192 по 1196 г.⁹ Следовательно, можно думать, что поход Романа Мстиславича против половцев состоялся в 1197 или самое позднее в 1198 г., если прибавить время на скитания изгнанника.

Итак, в 1197 или 1198 г., повествует Хониат, половцы вместе с болгарями вторглись в Византию, опустошили прилежавшие к Константинополю земли и собирались подступить уже к стенам столицы, как вдруг Роман напал на кочевников и нанес им сокрушительное поражение. Хониат сообщает, что русский князь откликнулся на просьбу о помощи византийского патриарха. Греческий историк свидетельствует, что князь Роман еще несколько раз побеждал половцев, чем оказал неоценимую услугу империи¹⁰. И в последующие годы Роман продолжил борьбу с половецкими ханами, с чем можно связать пребывание галицкого посольства в Царьграде, которое видел там в 1200 г. новгородский архиепископ Антоний¹¹. Тогда Роман был уже государем созданного им в 1199 г. Галицко-Волынского княжества.

Таким образом, на рубеже XII и XIII вв. отношения между Галицко-Волынской Русью и Византией были добрыми и союзническими. Об этом знали на древнерусских землях, чем, вероятно, следует объяснить известную в средневековой историографии версию о бегстве византийского императора в Галич после взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г.

Расположенная в бассейнах рек Сана, Южного Буга, Днестра, Западного Буга, Случи Галицко-Волынская Русь с запада граничила с Польшей и Литвой по рекам Вепрю и Вислоке, на востоке – с Киевской землей по рекам Горыни и Серету. На севере галицко-волынская областная территория была ограничена Западным Бугом, на юге – средним течением Днестра. На юго-западе кордон между Галицкой землей и Венгрией составляли Карпаты, которые летописцы называли просто “Гора”¹². Закарпатье было заселено русинами, также принадлежавшими к восточнославянскому этносу. В течение XII в. Венгерское королевство присоединило эту отрезанную Карпатскими горами от других восточнославянских земель территорию.

Уже само политико-географическое положение Галицко-Волынской Руси на юго-западе расселения древнерусской народности было одной из главных причин ее постоянных военных столкновений с западными соседями: Венгрией и Польшей, Литвой и ятвягами. Расположение же Галицкой

⁷ *Nic. Chon. De Alex. Is. Ang. Fr. III, 5. Ed. Bonnac, 1835. P. 691.*

⁸ *Ibid. III, 4. P. 688–691.*

⁹ *Гордлевский В.* Государство сельджукидов в Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 185–186.

¹⁰ *Nic. Chon. De Alex. Is. Ang. Fr. III, 5. P. 691–692.*

¹¹ Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде *Антония*, архиепископа новгородского в 1200 г. СПб., 1899. С. 15.

¹² *Крип'якевич І П* Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984. С. 13–20.

земли длинной и сравнительно узкой полосой вдоль Днестра и северных склонов Карпат делало ее границы крайне протяженными и доступными для противника. То же самое можно сказать и о всей Западной и Северо-Западной Волыни.

В наступившую с 40-х годов XII в. эпоху удельной раздробленности галицким и волынским князьям приходилось обороняться и от своих русских соседей, прежде всего киевского князя, стремившегося ограничить их автономию, а то и посадить там своих ставленников. Все это вынуждало государей Галицкого и Волынского княжеств (а с 1199 г. – Галицко-Волынского княжества) постоянно заботиться об укреплении своих рубежей. В ходе постоянных войн и стычек с соседями постепенно выработывалась стратегия обороны границ.

Оборона русских земель вообще не ограничивалась строительством фортификаций городов, возведения крепостей и укрепленных “городков” на пограничье, о чем речь пойдет далее. Государы крупных и сильных княжеств ставили перед собой масштабные стратегические задачи укрепления границ своих владений, создания максимально возможных затруднений для наступавшего врага. Особенно наглядно можно продемонстрировать это на примере Галицко-Волынской Руси, находившейся в юго-западном регионе федеративного Древнерусского государства и испытывавшей давление и военные вторжения разнообразных соседей – от кочевников-половцев до Венгрии, Польши, Литвы и ятвягов¹³.

ГРАНИЦЫ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ

Начиная с первых лет существования Галицкого княжества, возникшего в начале 40-х годов XII в., его государы стремились укрепить свои рубежи – как внешние, так и отделявшие княжество от русских соседей. В действиях Володимирко Володаревича и его преемника Ярослава явственно просматривается стратегическая линия создания укрепленных городов и крепостей практически по всему периметру княжества.

ЮГО-ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА В XII В.

В достаточно уязвимом положении издавна находилась юго-западная область Галицкой земли – “Горная страна Перемышльская”, как называет ее галицкий летописец, одинаково подверженная опасности со стороны как Малопольши со столицей в Кракове, так и Венгрии. Защита галицкого кордона усугублялась отсутствием природных географических рубежей – на нем не существовало ни гор, ни рек. Поэтому сама эта граница была вовсе не линией, а широкой полосой¹⁴. На этом направлении стратегическая деятельность галицких князей по укреплению рубежей начиная с 40-х годов XII в. была особенно энергичной и просматривается отчетливо.

¹³ Более подробно об усилиях галицких и волынских князей по укреплению своих рубежей, строительстве новых и усовершенствовании старых городов и крепостей см.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.

¹⁴ *Кордуба М.* Західне пограниччя Галицької держави між Карпатами та долинім Сяном // Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка. Т. СXXXVII–СXL. Львів, 1925.

О сложности проведения размежевательной линии между Малопольшей и Галицким княжеством могут свидетельствовать следующие факты. В Перемышльскую землю входила область верхнего и среднего течения р. Сана и значительная часть земель по р. Вислоке, тогда как нижнее течение Сана и другая часть земель по Вислоке принадлежали Польше¹⁵. К тому же временами польские князья на несколько месяцев, а то и лет, присоединяли к Малопольше земли вплоть до верховьев Днестра¹⁶.

Важность юго-западного рубежа всегда осознавалась галицкими, а в XIII в. и галицко-волынскими князьями. Заботились об укреплении этой границы со своей стороны и польские князья. Польские археологи неоднократно отмечали скопление укрепленных городищ в области р. Вислоки, которые играли роль польских пограничных пунктов. Понятно, что подобную функцию должны были нести и многие русские крепости и городки в западной части Перемышльской земли, где также отмечено значительное скопление древнерусских городищ. Здесь же известны по письменным и археологическим источникам и значительные города: Санок, Перевореск, Любачев, Ярослав¹⁷.

Много лет исследовавший историю византийской военной мысли и боевого искусства В.В. Кучма подчеркивал важность городов и крепостей в деле организации и обороны и наступления. В случае войны, писал он, города приобретали особенно важное значение. “От результатов сражений вокруг городов в значительной степени зависела судьба частной военной кампании или общего исхода стратегического противостояния конфликтующих сторон”¹⁸. Сказанное в полной мере относится к истории войн и военного искусства Древней Руси.

Несомненным представляется то, что находившийся на западной окраине Галицкой земли стольный город Перемышль, исконный центр древнего Перемышльского княжества, был основным опорным пунктом обороны Галицкого княжества с первых лет его существования. Историки издавна отмечали важнейшее, ключевое значение Перемышля, который, по свидетельству Длугоша, уже во второй половине XI в. был главным оплотом русских в регионе и сам был очень сильно укреплен¹⁹. Город-крепость представлял собой объект территориальных претензий и польских князей, и венгерских королей. Порубежное положение затрудняло защиту этого ключевого пункта в обороне сначала Перемышльского, затем Галицкого, наконец – Галицко-Волынского княжества Романовичей.

Едва ли не главным порубежным замком на границе с Венгрией был стоящий на р. Сан Санок, впервые упоминаемый Киевской летописью под 1150 г. Киевский свод повествует, что “король (венгерский. – Н.К.) же прошедь Гору²⁰ и взя Санокъ городъ, и посадника его яша, и села у Перемыш-

¹⁵ Линниченко И. Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV ст. Ч. 1. Киев, 1884. С. 177–180.

¹⁶ Widajewicz J. Południowo-wschodnie kresy Polski w X i XI wieku. Poznań, 1937.

¹⁷ Риппонорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. Л., 1967 (МИА. № 140). С. 175–176. Эта работа представляется мне наиболее ценной в проблеме истории возведения оборонных сооружений, стратегии и тактики в их размещении и использовании.

¹⁸ Кучма В.В. Военная организация Византийской империи. СПб., 2001. С. 409.

¹⁹ См.: Риппонорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 176.

²⁰ Карпатский перевал.

ля многа възъ”²¹. Археологически Санок мало исследован. Обнаружены дети-нец и посад, относящиеся к XII–XIII вв. Но Санок древнерусского времени еще не был развитым феодальным городом, которым он предстает в актовых источниках XV–XVI вв. Он был возведен в качестве стерегущего рубеж замка. На противоположном берегу Сана найдено укрепление, по-видимому охранявшее переправу. И в дальнейшем он оставался пограничной крепостью, что явствует из сообщений Галицко-Волынской летописи первой трети XIII в.²²

Точно так же порубежным городом Галицкой земли, но на границе с Польшей был стоявший на той же р. Сан Ярослав, впервые названный Киевской летописью под 1152 г. (и, вероятно, тогда же и возведенный, и укрепленный) в рассказе о встрече Изяслава Мстиславича киевского с союзником, венгерским королем Гезой: “Изяславъ же приде на Санъ рку, яже идетъ подъ Перемышль; и якоже пребредѣ рѣку Сан, и ту пригна ему посольтъ отъ короля... утрии же день Изяславъ поиде къ Ярославлю, помина и ста обѣду, и ту присла к нему король мужа своего...”²³. Из приведенного текста явствует, что Изяслав встречал Гезу на русском кордоне. Представляется поэтому приемлемым мнение, согласно которому Ярославский замок (как и Саноцкий) был основан для прикрытия Перемышля²⁴. По всей вероятности, крепость была заложена сыном Володимирко Ярославом и названа в честь последнего²⁵.

Перевореск и Любачев так же, как и Ярослав, прикрывали путь к Перемышлю с северо-запада²⁶. В этих городах и городках сидели сильные гарнизоны, способные отбиться от врага, о чем свидетельствуют события более позднего времени (лета 1245 г.), когда гарнизон Ярослава совершил вылазку и отбросил венгерское войско и враждебные князю Даниилу боярские отряды²⁷. Хуже обстояло дело на русско-венгерской границе.

На кордоне с Венгрией естественным рубежом Галицкого, а с конца XII – начала XIII в. Галицко-Волынского княжества были Карпатские горы. Летописи, сначала Киевская XII в., а затем Галицко-Волынская XIII в., обычно называют “Гору”, т.е. Карпаты, в качестве границы с Венгрией. В течение XII в. венгерские феодалы колонизовали Закарпатье, оттеснив местное русское население в горы и на неудобные для земледелия земли. Источники того времени называют собственностью венгерского короля главные закарпатские замки²⁸. Порубежная зона на карпатской границе состояла из самих Карпат и прилегающих к ним с обеих сторон земель. Переходить горы можно было лишь в нескольких местах, через перевалы.

Еще Н.П. Дашкевич, утверждая, что галицко-венгерская граница проходила по Карпатскому хребту, обратил внимание на то, что позднейший (ско-

²¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 282.

²² Галицко-Волинський літопис / За ред. М.Ф. Котляра. Київ, 2002. С. 77, 94.

²³ Летопись по Ипатскому списку. С. 309.

²⁴ Рапнопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель. С. 175–176.

²⁵ Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 138.

²⁶ Зубрицкий Д. История древняго Галицко-Русскаго княжества. Ч. 3. Львов, 1855. С. 147.

²⁷ Галицко-Волинський літопис. С. 107.

²⁸ См.: Неудлы З.Р. История Закарпатской Руси до XIV в. // Известия АН СССР. Серия истории и философии. 1945. № 4. С. 209–211.

рее всего, конца XIV в.) список русских городов Воскресенской летописи называет в качестве русских ряд городов, расположенных в самих горах²⁹. Есть основания согласиться с мнением известного исследователя Буковинско-Карпатского региона, что с образованием Галицкого княжества, т.е. во второй половине XII в., сложилась Попрутская пограничная полоса, основой которой стал верхний Прут, текущий вдоль восточных склонов Карпатских гор. Пограничная полоса в этой области была очень широкой, достигая 200 км³⁰. По склонам Карпатских гор, выходя на равнину, располагались по-рубежные укрепления Галичины и Венгрии³¹. Исследования топонимики левого берега р. Тисы привели к выводу, что северным рубежом Венгрии при Стефане I (975–1038) была эта река. Лишь впоследствии, не ранее XII в., граница передвинулась к засечной линии между Мукачевым и Свалявой³². Венгерский участок границы Галицкого (далее Галицко-Волинского) княжества в течение XII–XIII вв. оставался наиболее уязвимым в сравнении с другими участками: польским, литовским и ятвяжским.

РУБЕЖИ ГАЛИЦКОЙ ЗЕМЛИ С КИЕВСКОЙ И ВОЛЫНСКОЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII В.

Между Галицкой и Волинской землями в отношении организации их обороны существовали серьезные различия, связанные не только с их географическим положением, но и с политическими судьбами и даже с некоторыми особенностями социального строя. Волынь всегда была теснее связана с Киевом, чем Галич³³. И это нетрудно объяснить: с конца XI в. киевские князья превратили Волынь в свой домен. До конца XII в. в ней княжили потомки Владимира Мономаха. Тогда как галицкие князья, начиная с первого – Володимирко Володаревича, постоянно конфликтовали с Киевом, стремясь добиться, если не полной независимости, то максимальной автономии³⁴. Все это не могло не создавать напряженности на галицко-волинском рубеже.

Граница Волини с Галичиной не имела никаких естественных рубежей (гор, рек, лесов и др.). Поэтому они обозначались укрепленными городами и крепостями. По количеству городов и крепостей Волинская земля в несколько раз превосходила Галицкую, на что неоднократно обращали внимание историки³⁵. Галицкие рубежи с Волынью в частности обозначались древним Теревовлем и новыми городами Микулиным и Голыми Горами. Оба впервые упомянуты в Киевской летописи под 1144 г. и вовсе не случайно появились на ее страницах в это время.

И галицкие, и волинские князья, по мнению знатока проблемы П.А. Раппопорта, готовясь к войне друг против друга, “придавали основное

²⁹ Дашкевич Н.П. Княжение Даниила Галицкого по русским и иностранным источникам. Киев, 1873. С. 65.

³⁰ Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIII ст.). Київ, 1982. С. 86.

³¹ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 94–95.

³² Ісаєвич Я.Д. Історична географія Угорщини та суміжних країн X–XIV ст. // Архіви України. 1967. № 2. С. 72–73.

³³ Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 178.

³⁴ Котляр М.Ф. Галицко-Волинська Русь. Київ, 1998. С. 120–123.

³⁵ См.: Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 90.

значение не инженерной подготовке пограничной территории, а военно-политическим союзам. Волынские князья, как правило, заключали против Галича военный союз с Польшей или Венгрией³⁶. Галицкие князья, сначала Володимирко, затем его сын Ярослав, искали союзников в Северо-Восточной Руси и в Чернигово-Северской земле.

Первый галицкий князь Володимирко Володаревич стремился обезопасить себя в первую очередь от киевских князей (в то время обычно занимавшими и волынский стол). В военном конфликте 1144 г. между Володимирко галицким и Всеволодом Ольговичем киевским, завершившемся жестоким поражением галицкого князя, “възвороти³⁷ ему Всеволодъ Ушицю, Микулинъ”³⁸.

Местоположение Микулина локализуется известием Галицко-Волынской летописи, которое можно датировать 1206 годом (опираясь на тождественное по смыслу сообщение летописца Переславля Суздальского): “Събравшю же Рурику половци и руси много, и прииде на Галичь... И пришедшю ему на Галичь, и срѣтоша и бояре галицкии и вълодимерьстии у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимися имь весь день о рѣку Сереть”³⁹. Это, а также несколько других летописных известий позволяют считать Микулин галицкой крепостью на рубеже с Киевской землей. Упомянутая в приведенном тексте Ушица стояла на южном кордоне Галицкого княжества.

Голые Горы (в которых далеко не все исследователи склонны видеть населенный пункт, полагая его урочищем⁴⁰) находились на восточном рубеже Галицкого княжества с Волынским. В этом месте рубеж был древним и устойчивым, в чем убеждают следующие соображения. Рассказ Лаврентьевской летописи о походе Всеволода Ольговича киевского на Володимирко Володаревича в 1144 г. существенно отличается в деталях от аналогичного повествования Киевского свода. Северорусский книжник вначале свидетельствует, что Володимирко встретил княжеское войско во главе со Всеволодом на восточном рубеже своих владений, у Теребовля; противники оказались на разных берегах Серета и двинулись вверх вдоль реки. “И на Рожни Поли не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ Горахъ”. Но когда Изяслав Давидович (двоюродный брат Всеволода) привел половцев и захватил с ними Ушицу и Микулин, Володимирко был вынужден отступить к Звенигороду⁴¹.

Это Рожне Поле упоминается в рассказе Повести временных лет под 1097 г. о битве Володаря и Василько Ростиславичей с киевским князем Святополком Изяславичем, пытавшимся отнять у братьев Теребовльскую волость: «И срѣтошася на поли на Рожни, исполчившимся обоим... Володаръ же и Василко, побѣдивша, стаста ту, рекуща: “Довлѣеть нама на межи своей стати”, и не идоста никаможе»⁴². Разгромленный Святополк бежал в стольный град Волыни Владимир, которым тогда он фактически владел.

³⁶ *Раннопорт П.А.* Военное зодчество западнорусских земель... С. 179.

³⁷ Так в Хлебниковском списке Киевской летописи.

³⁸ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

³⁹ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

⁴⁰ См., например: *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 117—118.

⁴¹ Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 311.

⁴² Повесть временных лет. Т. 1—2. М.; Л., 1950. С. 115.

Следовательно, Теробовльское княжество Василько Ростиславича граничило с Волынским у Рожна Поля и здесь же впоследствии возникла крепость Голые Горы. Следует, вероятно, согласиться с Барсовым, полагавшим, что Голые Горы – это село Гологоры (ныне в Золочевском районе Львовской обл.).⁴³

Далее галицко-волынский рубеж направлялся на запад, к городу Плеснеску. Его порубежное расположение засвидетельствовано Киевской летописью в повествовании о неудачной попытке волынского князя Романа Мстиславича вокняжиться в Галиче в 1188 г. Выйдя с дружиной из киевского города Белгорода, “Романъ же передъ с вои посла ко Прѣснѣску⁴⁴, да заѣдутъ Прѣснѣскъ переди. Они же затворишася; угре же и галичане заехаша и у Преснескъ, инѣхъ изимаша, а друзии утѣкоша”⁴⁵. Есть основания полагать, что в качестве укрепленного порубежного замка Плеснеск возник незадолго перед первым упоминанием о нем в летописи⁴⁶.

От Плеснеска галицко-волынский рубеж уходил вдоль Западного Буга на северо-запад, к галицкому пограничному замку Унову (на р. Солокии, впадающей в Буг). В 1169 г. Мстислав Изяславич ввиду приближения огромного войска южнорусских и северо-восточных князей бежал из Киева. Оказавшись в Галицком княжестве, “съ братомъ же Ярославомъ сняся за Уновью, и тако идоста Володимирю”⁴⁷. Археологически эта крепость совершенно не изучена; можно думать, что особого значения она не имела и так и не переросла в феодальный город.

На Западном же Буге стоял и волынский город-крепость Бужск, ставший предметом длительного территориального спора между соседями, когда все расширявшаяся территория вновь образующейся Галицкой земли достигла этой реки. В 1149–1150 гг. Бужск был захвачен Володимирко Володаревичем и так и не возвращен им киевскому и волынскому князю Изяславу Мстиславичу, несмотря на соответствующие клятвы и уверения⁴⁸. Но в дальнейшем волынским князьям удалось вернуть себе Бужск и даже сделать его, правда, на короткое время, центром небольшого удельного княжества. Киевский свод под 1167 г. свидетельствует, что там княжил внучатый племянник тогдашнего киевского князя Ростислава Мстиславича Ярополк Мстиславич⁴⁹.

От Унова галицко-волынский кордон направлялся на запад, водоразделом Западного Буга и Сана, к г. Ярославу. Другие галицкие крепости, вне сомнения, существовавшие на этом рубеже, науке неизвестны. Галицко-Волынская летопись середины второго десятилетия XIII в. упоминает здесь важный галицкий город Любачев⁵⁰, стоявший на р. Любачевке, правом притоке Сана. Вероятно, он возник в качестве порубежного замка в последние десятилетия XII в., когда отношения между Галицким и Волынским княжествами были особенно напряженными.

⁴³ Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли. Вильно, 1865. С. 53.

⁴⁴ В Хлебниковском списке Киевской летописи здесь и далее употреблена форма “Плѣснескъ”.

⁴⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 445.

⁴⁶ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 96–97.

⁴⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 372.

⁴⁸ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 97–98.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 361.

⁵⁰ Галицко-Волинський літопис. С. 82.

ЮЖНАЯ ГРАНИЦА ГАЛИЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема южного рубежа Галицко-Волынского княжества, долгое время остававшаяся дискуссионной. Издавна распространено мнение, будто бы южный рубеж Галицкого княжества со второй половины XII в. достигал низовьев Дуная⁵¹. Однако письменные источники этого мнения не подтверждают⁵². Чуть ли не единственным аргументом в его пользу представляется поэтическая характеристика галицкого князя Ярослава Владимировича в “Слове о полку Игореве”: “Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко съдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы Угорскыи своими желѣзными пѣлкы, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды ряда до Дуная”⁵³. Поэтому при определении южного рубежа Галицкого княжества второй половины XII в. необходимо рассмотреть историческую основу этой записи “Слова” о Ярославе Владимировиче (1152–1187).

Выражение “Слова” “суды ряда” привлекает к себе особенное внимание еще и потому, что, насколько мне известно, не встречается в других памятниках древнерусской литературы и историографии. Д.С. Лихачев в комментарии к “Слову” приводит лишь словосочетания “ряды правити” и “ряды рядити”⁵⁴. Специальный словарь “Слова о полку Игореве” указывает только “суд судить”⁵⁵. Но сам смысл выражения “суды ряда” не вызывает сомнений: оно означает, что, по мнению автора обращения к Ярославу Владимировичу, этот князь осуществлял судебную-административную власть на огромной территории – вплоть до Дуная, несомненно, нижнего, поскольку средний Дунай во второй половине XII в. пребывал в сфере политического влияния Венгрии и Византии.

Нельзя сводить толкование сочетания слов “суды ряда” лишь к обладанию галицким князем землей по нижнему Дунаю: в этом случае было бы “на Дунае”, а не “до Дуная”. Поэтому буквальное и конкретное понимание выражения “суды ряда до Дуная” означало бы, что южный рубеж Галицкого княжества в конце 80-х годов XII в. (во времена, когда было написано “Слово о полку Игореве”) проходил по меньшей мере по левому берегу нижнего Дуная. С этим регионом связан эпизод бурной политической биографии древнерусского кондотьера Ивана Ростиславича по прозвищу Берладник – двоюродного племянника галицкого государя Володимирко Володаревича, вначале скромного удельного князя в Звенигороде, попытавшегося в 1145 г. отнять у могущественного дяди Галич и после краха попытки превратившегося в наемника, служившего за деньги разным князьям.

В 1158 г. сын Володимирко и тогдашний галицкий князь Ярослав потребовал от киевского государя Изяслава Давидовича (при дворе которого жил Иван Ростиславич) выдачи Берладника. Изяслав отказался, но Иван Ростис-

⁵¹ См., например: *Дашкевич Н.* Княжение Данила Галицкого... С. 73; *Середонин С.М.* Историческая география. Пг., 1916. С. 129; *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964. С. 211.

⁵² Разбор известных источников, привлекавшихся для его доказательств, см.: *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 98–106.

⁵³ Слово о полку Игореве. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950 (Литературные памятники). С. 22.

⁵⁴ Там же. С. 442–443.

⁵⁵ Слово о полку Игореве. Словарь-справочник. Вып. 5. Л., 1978. С. 252.

славич “уполошивъся ѣха в поле къ Половцемъ”⁵⁶. Вместе с половецкой ордой (рассчитывавшей пограбить окраины Галицкого княжества) Иван отправился в низовья Дуная. Далее в летописи следует место, которое обычно рассматривается как свидетельство принадлежности низовых дунайских городов галицким князьям: “Иванъ же... ста в городѣх Подунайскыхъ, и изби двѣ кубарѣ и взя товара много в нею, и пакостяше рыболовомъ галичскимъ”⁵⁷. Но это известие летописи никак не может быть свидетельством принадлежности низовьев Дуная Галицкому княжеству. Наоборот, оно, на мой взгляд, говорит о том, что галицкие князья не имели власти над подунайскими городами. Ведь в 1158 г. Иван давно уже был изгоем, порвавшим связи с галицким домом Ростиславичей и вынужденным с оружием в руках добывать средства к жизни. К тому же он оставался злейшим врагом Ярослава, поэтому уже само его появление и пребывание на нижнем Дунае доказывает то, что эта область не входила в состав Галицкого княжества. Замечу также, что нет доказательств принадлежности галичанам захваченных Берладником кораблей. Одинокое же упоминание о галицких рыболовах на Дунае не может, конечно же, служить доказательством прохождения границ княжества по этой реке: рыболовы не воины, они могли промышлять и вне пределов своей земли.

Еще более убеждает в независимости Подунавья от Галицкого княжества продолжение летописного рассказа о действиях Ивана Ростиславича на Дунае. Главное же – летопись позволяет определить подлинные южные рубежи княжества в середине XII в.: “И придоша к нему (Ивану. – Н.К.) половци мнози и берладника у него скупися⁵⁸ 6000. И поиде къ Кучелмину, и ради быша ему. И оттуда къ Ушици поиде. И вошла бяше засада Ярославля в городъ, и начаша ся бити крепко засадници из города”, – вот где наконец Иван Ростиславич встретился с войском Ярослава! Местное население поддержало Берладника: “А смерди скачють чересь заборола къ Иванови, и перебѣже ихъ 300”⁵⁹. Половцы потребовали от Ивана отдать им Ушицу на разграбление, но он отказал им в этом. Тогда кочевники покинули Берладника, которому довелось возвратиться в Киев, к Изяславу Давидовичу. В приведенной цитате из Киевского свода названы действительные пограничные города Галицкого княжества на юге. Именно вблизи крепостей Кучелмина и Ушицы в среднем течении Днестра начиналась территория княжества, на которой и мог “суды рядить” Ярослав Владимирович, далее его преемник и сын Владимир. Оба городка принадлежали к наиболее важным среди упоминаемых летописью галицких оборонных замков на южном рубеже. В упомянутой выше кампании Иван Ростиславич беспрепятственно продвинулся по направлению к галицкому кордону из Подунавья, его с радостью встретили жители Кучелмина (гарнизон крепости, видимо, был немногочисленным или его застали врасплох) и лишь в Ушице Берладник натолкнулся на сопротивление Ярославова войска.

⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 341.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Этот глагол указывает на местное, дунайское происхождение отряда берладников. Ведь половцы к Ивану “придоша”, а берладники “скупися”, т.е. находились в той области и собрались под его хоругвями.

⁵⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 341.

Местоположение Кучелмина издавна вызывало споры среди специалистов по средневековой исторической географии. Принимаю предложение Б.А. Тимощука: считать остатками Кучелмина городище Галица возле с. Непоротово Черновицкой обл.⁶⁰, поскольку оно точнее прежних согласуется с географией рассмотренного похода Ивана Берладника. Ясно, что выдвинутый в Поле, на правый берег Днестра, Кучелмин был сторожевой заставой, своеобразным “барбаканом”, призванным первым встретить подходящего из степи врага.

Подобно Кучелмину мало исследован археологически г. Ушица (ныне с. Старая Ушица Хмельницкой обл.), расположенный при впадении одноименной реки в Днестр. Все исследователи видели в нем галицкий порубежный город на Днестре. Археологи открыли в Ушице остатки сторожевой крепости, но следы хозяйственной деятельности жителей прослеживаются слабо. Городок использовался в основном в военно-оборонительных целях⁶¹.

Рассмотрение других летописных свидетельств также убедило меня в том, что южная граница Галицкого княжества проходила возле Ушицы, по Днестру. В 1144 г. “Володимеръ (Володаревич. – Н.К.), стоя на Голыхъ Горахъ, приде же к нему князь Изяславъ Давыдовичъ с половци, переемъ два города, Ушицю и Микулинъ”⁶². В приведенном тексте речь идет о порубежных городах Галицкого княжества.

К южным пограничным городам и крепостям Галицкого княжества второй половины XII в. следует отнести также Василев, Онут, Калиус и Бакоту, хотя в качестве таковых они упоминаются уже Галицко-Волинской летописью в первой половине XIII в. Можно с большой долей уверенности предположить, что юго-восточные рубежи княжества при Данииле Романовиче не претерпели значительных изменений, поскольку в начале XIII в. тот же Микулин продолжал оставаться пограничным галицким городом: “И пришедшу ему (Рюрику Ростиславичу. – Н.К.) на Галичь, и срѣтоша его бояре галицкии и вѣлдимерьстии у Микулина, на рѣцѣ Серетѣ, и бившимся имь весь день о рѣку Сереть... и не стерпѣвшє възвратишася в Галичь”⁶³ (1205 г.). То же самое можно сказать и об Ушице. В 1230 г. Даниил Романович, “сѣбравъ землю Галицкую... отъ Бобрѣкы (реки. – Н.К.) даже и до реки Ушици и Прута...”⁶⁴ – как видим, и в то время южные пределы Галицкого княжества не простирались далее среднего Поднестровья.

В 1219 г.⁶⁵ Даниил, по повелению своего тестя Мстислава Мстиславича (тогдашнего галицкого князя), оставил Галич в связи с наступлением польско-венгерского войска, “пройдоша в Онутъ и идоша в поле”⁶⁶. Следовательно, за Онутом начиналась степь и кончалась галицкая территория. Архео-

⁶⁰ Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина... С. 84–85.

⁶¹ Кучера М.П., Горшинъ П.А. Исследования летописной Ушицы // Тезисы докладов XVII научной конференции Института археологии АН УССР. Ужгород, 1978. С. 114.

⁶² Лаврентьевская летопись. Стб. 311.

⁶³ Галицко-Волинський літопис. С. 77.

⁶⁴ Там же. С. 92.

⁶⁵ Дата определена на основании сообщения Никоновской летописи под этим годом о занятии Галича венграми: ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1885. (Далее: Никоновская летопись). С. 82.

⁶⁶ Галицко-Волинський літопис. С. 83.

логическими исследованиями 50-х годов XX в. установлено, что Онут находился на Днестре, на территории одноименного села Черновицкой обл. Возможно, Онут был торговым портом⁶⁷. На мой взгляд, Онут мог быть пограничной крепостью, как и другие названные летописью поселения на Днестре и его притоках.

Порубежными укрепленными городами при Данииле Романовиче и, вероятно, еще во второй половине XII в. были Калюс и Бакота. Осенью 1241 г. “Даниилъ же хотя землю установити⁶⁸ и еха до Бакоты и Калиуса ...”⁶⁹. И соперник Даниила в борьбе за галицкий стол Ростислав Михайлович, и татарские военачальники, вступая в войну с Даниилом, начинали ее обычно с захвата порубежного города Бакоты⁷⁰.

Полная археологическая неизученность Калюса, стоявшего на Днестре при впадении в него р. Калюсика⁷¹, лишает возможности сказать о нем что-либо определенное. Летописный рассказ позволяет видеть в нем лишь порубежную крепость без каких бы то ни было следов деятельности ремесленно-торгового населения. Напротив, хорошо изучено городище древнерусской Бакоты. Согласно материалам раскопок, город в XII–XIII вв. состоял из детинца, замка и посада. Открыты остатки скального христианского монастыря. На посаде изучены гончарные мастерские, металлургические печи и кузница⁷². Следует считать Бакоту феодальным городом с развитыми хозяйственными функциями. По всей вероятности, Бакота возникла во второй половине XII в. как оборонительная крепость и уже впоследствии, в конце XII – первой половине XIII в., обросла посадом.

Невдалеке от Онута лежал галицкий порубежный город Василев: “Пойде король (Даниил. – Н.К.)⁷³ к Василеву, и перейде Днѣстръ, и поиде къ Пруту”⁷⁴. Хорошо изученный Василев (ныне село Черновицкой обл.), расположенный на левом берегу Днестра, был, подобно Бакоте, подлинным феодальным городом, но превосходил ее по размерам и значению. Раскопками открыты замок, стоявший на холме (сохранились остатки земляных укреплений), торг и пристань. Исследованы фундаменты древнего храма, служившего усыпальницей: в нем обнаружено 9 саркофагов⁷⁵. Общая площадь Василева достигала 50 га, но посад не был укреплен. По-видимому, он возник во второй половине XII в., когда граница Галицкого княжества вплотную придвинулась к Днестру.

Ближайшей к Галичу крепостью на южной границе во второй половине XII в. была Тысяница (ныне поселок в Ивано-Франковской обл.), лишь однажды упомянутая в летописи, когда в начале 1145 г. галицкие “городские

⁶⁷ Тимошук Б.О. Літописні міста Буковини за археологічними даними // Український історичний журнал. 1960. № 6.

⁶⁸ Обследовать рубежи.

⁶⁹ Галицько-Волинський літопис. С. 104.

⁷⁰ Там же. С. 103, 104, 117.

⁷¹ Барсов Н.П. Географический словарь Русской земли. С. 86–87.

⁷² Винокур І.С., Горишний П.А. Бакота. Кам'янець-Подільський, 1994.

⁷³ Результаты позднейшего редактирования летописи: в приведенном тексте речь идет о событиях 1230 г., а Даниил Романович принял корону от папы лишь в конце 1253 г.

⁷⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 93.

⁷⁵ Логвин Г.Н., Тимошук Б.А. Белокаменный храм XII в. в Василеве // Памятники культуры. М., 1961; Тимошук Б.О. Літописні міста Буковини за археологічними даними // Український історичний журнал. 1960. № 6. С. 164–165.

мужи” позвали к себе в князя Ивана Берладника, воспользовавшись тем, что их государь Володимирко Володаревич уехал на охоту⁷⁶. Археологически эта крепость вовсе не изучена, известно городище древнерусского времени над р. Стрымбой⁷⁷.

Таким образом, упоминания о наиболее южных галицких городах и крепостях в летописях, часто с прямыми указаниями на их окраинное, а то и порубежное положение, позволяет достаточно четко обозначить южную границу Галицкого княжества в XII в. Она проходила в среднем течении Днестра, через города и замки Василев, Онут, Бакота, Ушица, Калюс. Лишь один Кучелмин представлял собой опорный пункт, выдвинутый в поле, что временами, как это было в случае с захватом его Иваном Берладником, делало крепость уязвимой со стороны степи.

Уже само расположение этих городов и замков на рубежах Галицкого княжества, характер их укреплений и т.п. дают основания считать, что они появились в результате сознательной и целенаправленной деятельности галицких князей Володимирко Володаревича и Ярослава Владимировича. Эта деятельность была продолжена и развита в княжение Даниила Романовича Галицкого.

Итак, территория южнее Днестра не принадлежала галицким князьям и не входила в сферу влияния каких-либо иных русских князей. Она представляла собой неводеланную степь, которую занимали кочевники. Сложнее выглядит вопрос о городах и городках по нижнему Дунаю, наличие русского населения в которых несомненно. Речь идет о берладниках и бродниках⁷⁸. Но можно с уверенностью утверждать, что и эти города, и их жители не входили в состав ни одного из русских княжеств.

РУБЕЖИ ВОЛЫНИ

Территория Волыни, как еще в большей степени Галицкой земли, начала складываться в сравнении с другими южнорусскими землями (Киевской, Черниговской и даже Переяславской) значительно позднее, почему и завершился этот процесс с опозданием, а именно в XIII в.

К концу XI в. формирующаяся Волынская земля занимала пространство от Берестья на Западном Буге – на севере, до Бужска и Выгошева в верховьях р. Серета – на юге. Ее порубежными городами на западе были Сутейск и Червен, на востоке – Дорогобуж и Острог. Незначительное количество известных по летописи XI в. волынских городов, редкость и скудость упоминаний в источниках об этой территории, наконец, малая археологическая исследованность региона лишают историков возможности определить рубежи Волынской земли начального периода ее складывания (последние годы X – конец XI в.). В той ее древней части, основу которой составляли Червенская и Белзская земли, значительных изменений не произошло, а в начавшем за-

⁷⁶ “Въшедшу Володимиру в Тисяницю на ловы, в то же время послася галичане по Ивану по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша к собѣ в Галичь” (Летопись по Ипатскому списку. С. 226).

⁷⁷ Janusz B. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwów, 1918. S. 242–243.

⁷⁸ Время от времени ученые вновь обращаются к истории русского люда нижнего Подунавья и Поднестровья. См. одну из последних работ: Рабинович Р.А. Призрачная Берладь // Stratum plus. 1999. № 5.

селяться междуречье Стыря и Горыни рубежи до конца XI в. не установились. Это произойдет в первой половине XII в. С середины XII в. есть основания говорить о более или менее определенных рубежах Волынского княжества⁷⁹.

В 40-х–50-х годах XII в. Волынь становится автономным княжеством, входившим в федеративное Древнерусское государство, состоявшее из полутора десятков земель и княжеств. Начиная с княжения в Киеве Святополка Изяславича (1093–1113), он и его преемники постепенно превратили Волынь в домен киевских князей. А Владимир Мономах (княжил в Киеве в 1113–1125 гг.) и его старший сын и преемник Мстислав рассматривали Волынь уже как наследственное владение Мономашичей. В конце киевского правления внука Мономаха Изяслава Мстиславича (1146–1154) Волынь досталась его младшему сыну Ярославу, ибо старший Мстислав, будучи преемником отца, сидел неподалеку от Киева, в Переяславле. Но после кончины отца Мстиславу не удалось занять Киев. Да и Владимир Волынский переходил из рук в руки, пока в 1170 г. там не укрепился старший сын Мстислава Изяславича Роман. С его именем связано укрепление рубежей Волынского княжества и строительство порубежных городов и крепостей.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ РУБЕЖ

Он приблизительно отмечается письменными источниками, начиная с первой половины XI в. Но представляется излишне оптимистичным мнение П.А. Раппопорта, полагавшего, что “линия границы (с Польшей. – Н.К.) достаточно четко определяется здесь по письменным источникам – она проходила по левым притокам р. Вепря, затем пересекала эту реку и шла в северо-западном направлении”. При этом сделана лишь одна сноска на Киевскую летопись конца XII в. Впрочем, далее ученый признает, что вся линия границы была в большой мере условной и “пограничный характер имела вся полоса, лежащая между Вепрем и Западным Бугом”. Можно согласиться с П.А. Раппопортом в том, что на волыньско-польской границе был расположен г. Сутейск, основанный, по его мнению, в 30-х годах XI в. Ярославом Владимировичем в качестве пограничной крепости⁸⁰.

Однако Сутейск впервые упоминается в Повести временных лет гораздо позднее, в “Поучении” Владимира Мономаха в качестве порубежного пункта: его отец Всеволод Ярославич послал сына “на Сутейску мира творить с ляхы”⁸¹. Впрочем, Д.С. Лихачев думал, что Сутейск был урочищем: “Урочищ со сходными названиями (Сутейск) имеется несколько”⁸². К подобному мнению склонялись и другие историки. О порубежном положении Сутейска (урочища или крепости) свидетельствует Повесть временных лет под 1097 г.: “Ярослав⁸³ же бѣжа на Ляхы и приде Берестью, а Давыдъ⁸⁴ займъ

⁷⁹ Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 49.

⁸⁰ Раппопорт П.А. Военное зодчество западнорусских земель... С. 181. Автор ссылается при этом на книгу: Rhode G. Die Ostgrenze Polens in Mittelalter. Bd. 1. Köln, 1957.

⁸¹ Повесть временных лет. С. 102.

⁸² Лихачев Д.С. Комментарии // Повесть временных лет. С. 522.

⁸³ Сын киевского князя Святополка Изяславича.

⁸⁴ Игоревич, князь-изгой, стремившийся утвердиться в Владимире Волынском и захватить Теребовльское княжество.

Сутѣску”⁸⁵. В источниках XII–XIII вв., Киевской и Галицко-Волынской летописях, Сутейск не упоминается.

Ниже я излагаю свой взгляд на прохождение северо-западной границы Волыни и стоявшие на ней города, несколько отличающийся от мнения П.А. Раппопорта. Одним из древнейших порубежных городов Волыни было резко выдвинутое на северо-запад Берестье. Оно издавна занимало ключевое стратегическое положение в системе обороны рубежей Волыни в данном регионе, поэтому следует рассказать о нем подробнее. Впервые город упоминается на страницах Повести временных лет под 1019 г.: разгромленный Ярославом Владимировичем Святополк через Берестье бежал в Польшу⁸⁶. Однако авторитетная Новгородская первая летопись старшего извода впервые называет этот город под 1017 г.: “Ярославъ иде къ Берестю”⁸⁷. Г. Ловмянский, проанализировав известия источников, прежде всего русских летописей, о борьбе между сыновьями Владимира Святославича за киевский стол, пришел к выводу, что город Берестье существовал до 1016 г. и входил тогда в состав княжеского удела Святополка. В период междоусобиц на Руси город был занят польским гарнизоном и удерживался им до 1022 или даже до 1031 г.⁸⁸ Предположение Ловмянского выглядит вероятным.

А.Н. Насонов предполагал, что Берестье возникло еще раньше, во второй половине X в., и было возвращено Руси Владимиром Святославичем в 981 г. вместе с Перемышлем, Червеном и “иными градами”. По его мнению, пограничная с Польшей русская земля на северо-западе начиналась с Берестейской волости. Поэтому естественно, что среди “иных градов”, попавших под власть киевского князя, было и Берестье⁸⁹.

Кажется правдоподобным предположение Насонова о том, что когда краковский князь Болеслав Храбрый в 1018 г. “города червеньскыя зая собѣ”⁹⁰, Берестье также перешло к Польше. Формулу летописи под 1022 г. “приде Ярославъ къ Берестю”⁹¹ ученый понимал как констатацию факта окончательного закрепления Берестейской волости за Русью⁹². Как бы там ни было, Берестье с округой при Ярославе Владимировиче надолго попало под власть киевских князей. В качестве порубежного с Польшей города Берестье упоминается летописью в конце XI в.: “Ярослав же бѣжа на Ляхы, приде Берестю”⁹³ (1097) – речь идет о сыне тогдашнего киевского князя Святополка Изяславича, участвовавшего во вспыхнувших в то время, после ослепления Василько Ростиславича Давидом Игоревичем, усобицах на Руси. Свое значение важнейшего порубежного города на северо-западе Волыни Берестье сохраняло в течение всего XII в., о чем согласованно свидетельствуют летописи.

⁸⁵ Повесть временных лет. С. 115.

⁸⁶ Там же. С. 63.

⁸⁷ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 15.

⁸⁸ *Łowmiański H. Świętopelk w Breściu w r.1019 // Studia ku uczczeniu prof. K. Tymienieckiego. Poznań, 1970. S. 229–244.*

⁸⁹ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 127.

⁹⁰ Повесть временных лет. С. 63.

⁹¹ Там же. С. 64.

⁹² Насонов А.Н. Указ. соч. С. 128.

⁹³ Повесть временных лет. С. 115.

Однако к середине XII в. северо-западный рубеж Волыни продвигается еще далее на северо-запад по Западному Бугу, достигнув с той поры порубежного волынского города Дорогичина. Берестье остается в глубине территории, что, впрочем, не лишило его важного оборонительного значения. С этого времени можно утверждать о проведении волынскими князьями целенаправленной политики укрепления прежде всего северо-западной, а затем и других границ. И все же для первой половины XII в. не представляется возможным конкретизировать северо-западный рубеж Волынской земли. Почти полное отсутствие упоминаний в летописях о городах и крепостях на этом рубеже до 40-х–50-х годов XII в. не позволяет сделать это. По всей видимости, он совпадал с древней западнорусской и северорусской границами с Польшей.

Наиболее северным городом-крепостью на северо-западной границе Волынского княжества оказывается Дорогичин, расположенный на высоком правом берегу Западного Буга. Он впервые упоминается вместе с Берестьем и двумя другими городами в Киевской летописи под 1142 г. в рассказе о задаче киевским князем Всеволодом Ольговичем волостей своим братьям Обиженный старшим братом Игорь заявил: “Даеть ны по городу, Берестий и Дорогычинъ, Черторыескъ и Кльчьскъ, а отчинъ своеъ не дать Вятичъ”⁹⁴. Но, согласно археологическим исследованиям, возникновение града (укрепленного поселения) Дорогичина можно датировать второй половиной XI в. Город состоял из детинца и посада и был крупным торгово-ремесленным центром⁹⁵.

Таким образом, к концу первой половины XII в. на рубежах Волыни, особенно на северо-западных, возникают города, защищавшие эти рубежи и служившие прибежищем местному населению в случае вражеского нашествия. Однако государственные границы Волынского княжества более отчетливо устанавливаются с середины XII в. Окончательно же волынская государственная территория формируется уже в XIII в. По крайней мере, именно тогда источники наиболее точно фиксируют ее рубежи. В значительной степени это объясняется существованием для XIII в. уникального и подробного источника, сосредоточившего свое внимание на истории Волыни и Галичины, – Галицко-Волынской летописи.

ВОСТОЧНЫЙ РУБЕЖ

Наиболее северными городами и крепостями на восточном волынском рубеже с Киевщиной были Черторыйск и Мычск (Мыщк). Черторыйск – тот самый единственный волынский город XII века, упоминающийся летописью в его начале. Расположенный на р. Стыри Черторыйск впервые встречается в Повести временных лет в изложении решения Витичевского княжеского съезда 1100 г. в отношении “возмутителя спокойствия” Руси Давида Игоревича: «”Дубенъ и Черторыескъ” дал ему от себя (взамен отобранного у Давида на этом съезде г. Владимира Волынского) киевский князь Святополк Изяславич»⁹⁶. В качестве зависимого от киевского госуда-

⁹⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 222.

⁹⁵ Musianowicz K. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu // Materiały wczesnośredniowieczne. Wrocław etc. 1959. Т. 6. S. 229–232.

⁹⁶ Повесть временных лет. С. 116.

ря город Черторыйск назван в Киевской летописи под 1142 г.⁹⁷, что все-таки дает основания видеть в нем киевский город, как полагали, например, некоторые дореволюционные ученые.

Впрочем, конкретно-исторический анализ приведенных выше свидетельств летописей утверждает в ином мнении: Черторыйск был все же волыньским городом. Другое дело, что в 1097 г., воспользовавшись ослеплением Давидом Василько Ростиславича, Святополк Изяславич поставил Волынь в более тесную зависимость от великокняжеского стола. Эта зависимость продолжалась до середины XII в., и я не вижу ничего удивительного в том, что Всеволод Ольгович в качестве киевского великого князя, посадив сына во Владимире Волыньском, рассматривал Волынь как собственное владение и раздавал там города, и не только порубежные с Киевщиной. Ведь в сообщении Киевской летописи 1142 г. среди отданных Всеволодом братьям городов наряду с Черторыйском названы окраинные Берестье и Дорогичин, находившиеся на северо-западном рубеже⁹⁸.

Краткого упоминания в летописи Нестора о Черторыйске под 1100 г., думается, достаточно для того, дабы видеть в нем заметный город, поскольку он входил в число четырех городов, отданных Игорю в качестве компенсации за утрату им основной части Волынской земли с Владимиром. Мало известно историкам о другом порубежном городе Мычске. В 1150 г. Изяслав Мстиславич возле Мыческа столкнулся с Володимирко галицким. Судя по контексту летописного сообщения, Мычск стоял на границе между Киевщиной и Волынью: “И угада Изяславъ съ дружиною своею пойти чересь ночь къ Мичьску...”. А в марте следующего, 1151 г., Изяслав утверждает в Киеве, но “Володимеру⁹⁹ же того не вѣдущю съ Андрѣемъ¹⁰⁰, и стага у Мичьска, и пославша сторожѣ и испытаста, оже Дюрги у Городци уже, а Изславъ Киевѣ”¹⁰¹. Из обоих контекстов следует, что Мычск находился в Волыньском княжестве, на границе с Киевской землей (великокняжеским доменом).

После отодвинутой вглубь Волынской земли, но сохранявшей значение приграничного города и хорошо укрепленной Пересопницы¹⁰² (впервые упомянута в Киевской летописи под 1149 г.) восточный рубеж княжества спускался на юги, достигал р. Корчика, притока р. Случи. Здесь был расположен пограничный город Корческ (ныне г. Корец Ровенской обл.). Его порубежное положение ясно уже из первого упоминания о нем в Киевской летописи под 1150 г. Находившийся тогда во Владимире Волыньском Изяслав Мстиславич провожал ехавшего в Киев, где временно сидел Юрий Долгорукий, его сына Глеба, «и ту пристави (Изяслав. – Н.К.) к нему сына своего Мьстислава до Коречька, и тако проводивъ и за Корческъ, и рече ему Мьстиславъ: “Поѣди же, брате, къ отцю своему, а то волость отца моего и моя по Горину”»¹⁰³. В качестве общей границы Волыни с Киевщиной р. Го-

⁹⁷ Летопись по Ипатскому списку. С. 222.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Князю галицкому.

¹⁰⁰ Сыном Юрия Долгорукого.

¹⁰¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 286, 289.

¹⁰² Свое название город получил, вероятно, от земляного укрепления – “переспы”, своего рода вала.

¹⁰³ Летопись по Ипатскому списку. С. 276.

рынь упоминается и в Лаврентьевской летописи под 1139 г.¹⁰⁴ Археологически Корчеськ не исследован, но о том, что город был значительно укреплен, свидетельствует его неплохо сохранившееся городище трехугольной формы, окруженное валами и рвами, соединявшимися с р. Корчик¹⁰⁵.

Вместе с Горынью восточный рубеж Волынского княжества поворачивал на юго-запад, где наиболее южным его городом был Выгошев. Затем граница направлялась к Бужску, стоявшему на Западном Буге (см. о нем в рассказе о рубежах Галицкой земли XII в.)

Стоит особо остановиться на границах Волынской земли с Киевской, имевших особенно большое значение в междукняжеских усобицах второй половины XII в. С середины XII в. и до конца его, согласно моим подсчетам, на Волыни возникло 11 новых заметных городов и лишь три из них – в центральной части этой земли, остальные вблизи киевских рубежей, в Погорине, бассейнах рек Горыни и Случи. Это еще раз подтверждает мысль, о том, что стратегические усилия стратегических усилий волынских князей, были направлены на укрепление восточной границы, которая прикрывала княжество также от вторжений кочевников-половцев.

На правом берегу Случи, между волынским пограничным городом Корчеськом и киевским Ушеском лежал Чертов лес, признаваемый Киевской летописью середины XII в. пограничным¹⁰⁶. Его местоположение понятно из рассказа источника под 1150 г. о войне между Изяславом Мстиславичем и Юрием Долгоруким. Находясь в волынском городе Зарчеське, Изяслав был застигнут врасплох вестью, “оже Володимерьъ галичьской идетъ на нь”. Изяслав оставил блюсти г. Владимир своего брата Святополка, а сам двинулся на Киев против Долгорукого. Сначала он “переиде Случь и оттолѣ поиде чересь Чертовъ лѣсъ к Ушьску, и переиде реку Ушю подъ Ушескомъ”¹⁰⁷. Отсюда напрашивается вывод и о порубежном положении р. Уши.

Невдалеке от порубежного Корчеська лежал другой пограничный город Волыни Сапогынь. В 1151 г. сидевшему в Киеве и боровшемуся против Долгорукого Изяславу Мстиславичу пошел на помощь с венгерским союзным войском сын Мстислав. У Сапогыня, судя по контексту, на границе с Киевской землей, на него напал союзник Долгорукого Володимирко галицкий, находившийся тогда в Киевской земле. Когда Мстислав Изяславич стоял у Сапогыня, “выслалъ ему бяшетъ Володимерьъ Андрѣевичъ питье из Дорогобужа...”¹⁰⁸, откуда следует, что Сапогынь был расположен вблизи Дорогобужа. Н.И. Надеждин и К.А. Неволин резонно указывают на с. Сапожин (ныне в Ровенской обл.)¹⁰⁹.

В северо-восточном углу Волынской земли стоял пограничный город Небль. Под 1158 г. в Киевской летописи упоминается “Небльская волость”, ранее принадлежавшая Ярополку Изяславичу¹¹⁰, внуку Ярослава Мудрого. О местоположении этого, возникшего, вероятно, во второй половине XI в. города свидетельствует известие Галицко-Волынской летописи, относящее-

¹⁰⁴ Лаврентьевская летопись. 2. Стб. 307.

¹⁰⁵ Андрияшев А. Очерк истории Волынской земли до конца XIV в. Киев, 1887. С. 79.

¹⁰⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 280.

¹⁰⁷ Там же. С. 284–285.

¹⁰⁸ Там же. С. 305.

¹⁰⁹ См.: Котляр Н.Ф. Формирование территории... С. 72.

¹¹⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 338.

ся к 1262 г. Отражая нападение литовского войска, волынский князь Василько Романович “угониша я у Небля города. Литва же бяше стала при озерѣ...”. Сражение закончилось полным разгромом литовцев, с чем князя Василько поздравили пинские князья Федор, Демид и Юрий¹¹¹. Из летописного повествования следует, что город Небль стоял на границе с Турово-Пинским княжеством, при одноименном озере, по левую сторону Припяти¹¹².

В юго-восточном углу Волынской земли располагался крупный пограничный город Полонное. Рядом с ним летопись упоминает другой волынский город на рубеже с Киевской землей – Семьч. Киевская летопись под 1196 г. повествует, что, получив от тестя, киевского князя Рюрика Ростиславича Полонное с волостью, Роман Мстиславич не удовлетворился этим, “посла люди своя в Полоны, и оттолѣ повѣлѣ имъ ездячи воевати”¹¹³. Скорее всего, в этой записи речь идет о волынском городе на рубеже с Киевщиной. Таковым оставалось Полонное и в 30-х годах XIII в., когда Даниил Романович “угони его въ Полономь, и яша и в лузѣ Хоморскомь”¹¹⁴ – своего двоюродного брата и соперника Александра Всеволодича, князя Белзской волости. Это случилось на самой границе Волыни с Киевской землей, куда пытался бежать к тестю Владимиру Рюриковичу киевскому неугомонный Александр.

На Горыни, неподалеку от слияния ее со Случью, возник, вероятно, в 70-е – начале 80-х годов XII в. еще один пограничный город Волынского княжества – Дубровица (ныне город в Ровенской обл.). Этот важный в стратегическом отношении город лишь однажды, да и то не прямо, упоминается в Киевской летописи, знающей “Глѣба Гюргевича князя Дубровицьского”, участвовавшего среди прочих второстепенных князей в 1184 г. в походе на половцев, организованном великим князем киевским Святославом Всеволодичем и его соправителем в Киевской земле Рюриком Ростиславичем¹¹⁵. Из краткого сообщения источника следует, что Дубровица была столицей небольшого удельного княжества.

Не просто установить положение другого порубежного с Киевской землей города Волыни Каменца, поскольку в Юго-Западной Руси существовало несколько городов с таким названием. Историко-географическое рассмотрение рассказа Киевской летописи о мерах возмездия, предпринятых в 1196 г. по указанию Рюрика Ростиславича, тогда великого князя киевского, в отношении его зятя Романа Мстиславича (вторгавшегося в Киевский великокняжеский домен из Полонного) привело меня к выводу, что нападение киевской рати на “волость Романову около Каменца”¹¹⁶ произошло на восточному рубеже Волыни.

Уточняет положение этого Каменца известие Галицко-Волынского свода XIII в. о стычке Даниила Романовича с галицким боярством и болоховскими князьями в начале 1236 г.¹¹⁷: “Прийдоша галичане на Каменец и вси

¹¹¹ Галицько-Волинський літопис. С. 126 (текст), 307–309 (коментарий).

¹¹² Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. С. 121–122, 292.

¹¹³ Летопись по Ипатскому списку. С. 468.

¹¹⁴ Галицько-Волинський літопис. С. 97.

¹¹⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 426.

¹¹⁶ Там же. С. 468.

¹¹⁷ Котляр М.Ф. Коментар // Галицько-Волинський літопис. С. 221.

болоховстии князи с ними, и повоеваша по Хомору, и пойдоша къ Каменцю, и взявше полонъ великъ пойдоша”¹¹⁸. Река Хомора – один из притоков Случи, на ней стоит г. Полонное. Поэтому летописному Каменцю на южном участке восточной границы Волыни с Киевщиной лучше всего соответствует расположенное на левом берегу Случи с. Каменка Житомирской обл.

Подводя итоги складыванию и укреплению рубежей Волынской земли в XII в. необходимо отметить, что эти явления протекали неравномерно. Вобрав в себя древние Червенскую и Белзскую земли, Волынское княжество стало далее развиваться в восточном направлении, в порубежных с Киевщиной регионах. Этому способствовало немало экономических и политических факторов; среди последних необходимо выделить стремление киевских князей подчинить себе Волынь и превратить ее в великокняжеский домен, что и произошло при Мономахе и его потомках. Поэтому на восточном рубеже Волыни с начала XII в. вырастают укрепленные города и замки. Впоследствии укрепление волынского рубежа продолжилось, но уже не столько в связи с угрозой со стороны великокняжеского центра, сколько из-за нападений кочевников-половцев и общей нестабильности междукняжеских отношений эпохи удельной раздробленности.

Северная, западная и южная области Волынского княжества также заселялись и обрастали укрепленными городами и крепостями, причиной чему был фактор внешней опасности: на западе со стороны польских князей, на севере- литовских и ятвяжских князьков, на юге – кочевников-половцев. Лишь объединение Волынского княжества с Галицким Романом Мстиславичем в 1199 г. привело к более равномерному освоению территорий обеих земель и усилению процесса обустройства государственных рубежей.

¹¹⁸ Галицько-Волинський літопис. С. 98 (текст).